

С.А. Миронюк

КОНТРОЛЬ НАД ТРАНССИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГОЙ КАК МОТИВ УЧАСТИЯ БРИТАНИИ В СОЮЗНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И В СИБИРИ В 1917–1919 гг. И ЕЕ РОЛЬ В ЭТОЙ ОПЕРАЦИИ (НА ОСНОВЕ МЕМОРАНДУМА ДЖ.Н. КЕРЗОНА «СИБИРЬ» ОТ 20 ДЕКАБРЯ 1919 г.)

Исследуется участие Британии в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в контексте решения задачи обеспечения контроля над Транссибирской железной дорогой совместно с США и Японией. Рассматриваются мотивы и роль участия Британии в этой операции, включая их специфику. Работа написана на основе ранее неиспользованного в отечественной историографии меморандума государственного секретаря по иностранным делам Дж.Н. Керзона «Сибирь» (20 декабря 1919 г.), краткое описание которого также дается в статье.

Ключевые слова: интервенция; Сибирь; Транссибирская железная дорога; Британия; Керзон; США; Япония.

Сущность, причины и формы военной интервенции стран Антанты и их союзников в Россию до настоящего времени не исследованы комплексно. Во многом это связано с тем, что каждая страна-участница, помимо общих декларированных целей, сводившихся к необходимости противостояния Германии в условиях войны, имела собственные мотивы для участия в интервенции. «Все страны Антанты и их союзники действовали исходя из собственных побуждений» [1. С. 8], их политика на территории бывшей Российской империи часто являлась конфликтной и требовала как предварительного, так и ситуативного согласования и до начала интервенции, и в ее процессе. Как отмечал командующий американского экспедиционного корпуса в Сибири У. Грейвс, сразу после прибытия на Дальний Восток он понял, что будет втянут в политические игры, поскольку «каждый шаг американских представителей, как гражданских, так и военных, на Дальнем Востоке подается так, чтобы получить политический выигрыш. Это было справедливо и в отношении русских, и в отношении практически всех союзников» [2. С. 49]. Однако несколько сильных игроков не могут одновременно получить выигрыш «на одном поле». Посредником и активным переговорщиком по согласованию политики и действий стран-участниц при подготовке и в ходе интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири стала Британия, хотя эти регионы изначально не входили в зону ее влияния [3]. Однако, используя свой политический статус и опыт, эта страна активно работала как с США, так и Японией, чтобы интервенция на данном направлении все же состоялась, и Британия, не привлекая значительного количества своих солдат, могла бы стать одним из ее бенефициаров.

Если заинтересованность Японии и США в интервенции на Дальний Восток и в Сибирь вполне объяснима, то в случае с Британией это не так очевидно, хотя она и «взяла на себя лидерство во вмешательстве Запада в российские дела» [4. С. 220]. Каковы же были мотивы активного участия британского правительства в интервенции на этом направлении и его роль в проведении этой операции?

Многие аспекты британской политики того периода в отношении России «трудно подтвердить документами без полного доступа к протоколам заседаний Кабинета министров и различных ведомственных и межведом-

ственных комитетов, которые касались России...» [5. Р. 83]. Действительно, все существенное, что касалось интервенции, включая ее подготовку, согласование интересов союзников, начало, ход и завершение в различных регионах России, последовательно и широко отражено в официальных документах, хранящихся в Национальном архиве Соединенного Королевства. Это сотни документов различного происхождения, формата и значимости. Привлечение их к исследованиям в рамках различных тем, связанных с интервенцией и другими смежными вопросами, требует большой работы по отбору многочисленных взаимодополняющих документов британских ведомств с учетом их репрезентативности для последующего обобщения и достоверного воссоздания событий. Исключение составляет незначительное количество документов (в основном меморандумы), в которых уже присутствуют анализ и обобщения по конкретным направлениям деятельности Военного кабинета министров и компетентных ведомств. Один из таких редких документов – меморандум «Сибирь» государственного секретаря по иностранным делам в период 1919–1924 гг. Дж.Н. Керзона, датированный 20 декабря 1919 г. (первый лист прилагается – рис. 1) [6]. В меморандуме, в частности, представлена точка зрения автора на мотивы участия и роль Британии в интервенции на этом направлении, прослеживается связь интервенции, геополитики и британских интересов, которые в процессе изложения логично связываются железнодорожными ветками и узлами. Для наглядности Керзон приводит в своей работе карту части территории России, на которой написано «Сибирь» и отмечена Транссибирская дорога (рис. 2).

Цель настоящей работы – обосновать в качестве мотива участия Британии в интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири ее стремление контролировать Транссибирскую железную дорогу, а также показать ее роль в интервенции на этом направлении. Эта цель достигается путем предварительного рассмотрения геополитических подходов Керзона к восточной политике Британии в целом; описания положений меморандума, касающихся значения Транссиба для союзной интервенции и восточной политики Британии; анализа содержащихся в документе фактических данных об участии Японии, США и Британии в интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири и роли Британии в ней.

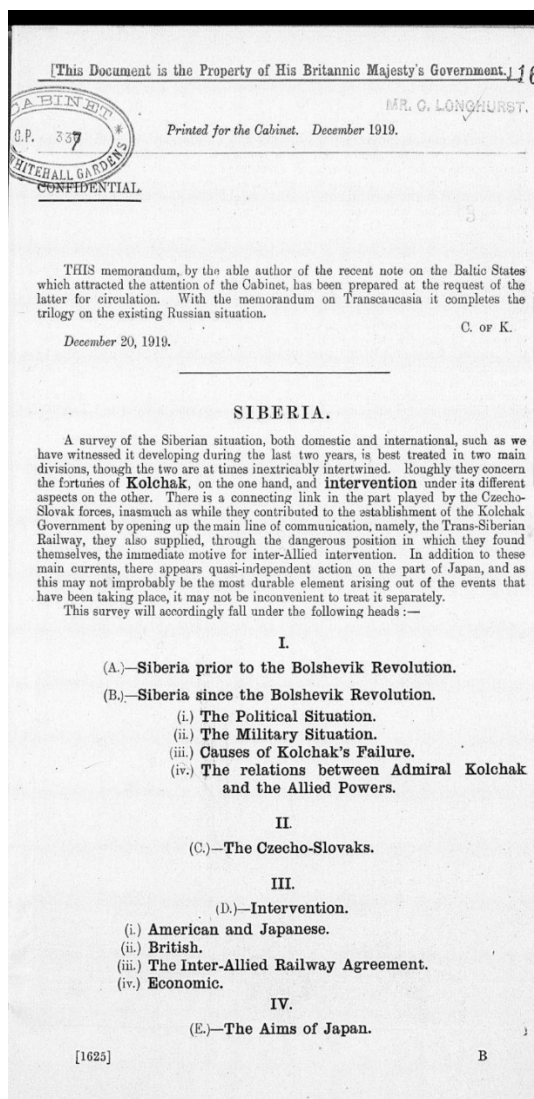

Рис. 1. Первый лист меморандума Сибирь

Существует обширная историография об интервенции в России, однако она значительно сужается в контексте темы о мотивах участия Британии в интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири и ее роли в этой операции. Среди исследований, затрагивающих в той или иной мере упомянутые вопросы, следует выделить работы П. Флеминга, Н.Е. Быстровой, Р. Ульмана, Ф.Д. Волкова и А.И. Уткина [1; 4–5; 7–8]. Вместе с тем данная проблематика рассматривалась упомянутыми авторами в рамках собственных тем, а не как самостоятельное направление исследований, что не позволило охватить ее подробно и комплексно. Источниковую базу настоящей статьи помимо меморандума Керзона составляют протоколы заседаний британского Военного кабинета министров [9–12], а также источники личного происхождения: воспоминания У. Грейвса, начальника британского экспедиционного отряда на востоке России Дж. Уорда, члена правительства А.В. Колчака Г.К. Гинса, генерал-квартирмейстера при Колчаке М.А. Иностранцева, дневники члена Уфимской директории В.Г. Болдырева и военного министра правительства Колчака А.П. Будберга [2; 13–17].

В работе использованы сравнительный и нарративный методы исследования. Первый – позволил сравнить меморандум «Сибирь» с другими документами из Национального архива и выявить его аналитический, обобщающий характер. Поскольку ряд привлеченных документов, включая меморандум Керзона «Сибирь», ранее не исследовались и не описаны, в статье широко использован нарративный метод.

Меморандум носит отпечаток высокой профессиональной квалификации автора как востоковеда и одновременно демонстрирует ограниченность его взгляда на политику в отношении России, в основном с точки зрения британских интересов. Еще до занятия поста государственного секретаря по иностранным делам Керзон был известной в британских властных кругах личностью со сложившимися взглядами на лидерство и доминирование Соединенного Королевства в мире, а также признанным специалистом в области восточной политики, к которой он в широком охвате относил и политику в отношении России. Этому способствовало путешествие Керзона в Закавказье и Среднюю Азию в 1888–1889 гг. Целью путешествия было изучение военного и иного значения Среднеази-

атской железной дороги, в том числе для обороны Индии [18. С. 110]. Под впечатлением этой поездки вышли в свет его книга «Россия в Средней Азии в 1889 году и англо-русский вопрос» (1889 г.) и статья «Индия меж двух огней» (1893 г.) [19. С. 121]. Он считал Россию сильным геополитическим соперником Британии. Ссылаясь на английского историка Дж. Гренвила, советский исследователь Н.А. Халфин отмечал, что Керзон отстаивал воинственную наступательную политику в Тибете, Персии и Афганистане именно потому, что были опасения «видеть эти государства попавшими в руки России...», и в этой связи требовал утвердить над ними британское господство [19. С. 125]. Закрепление и усиление этих убеждений произошло во время работы в должности вице-короля Индии в 1898–1905 гг. Предметом особой озабоченности для него были вопросы, связанные с железными дорогами: «Керзон с настороженностью упоминал о возможности прокладки путей от основной линии

Закаспийской железной дороги к иранской и афганской границам, целесообразность же для Англии соединения железнодорожных систем Индии и Азиатской России категорически отвергал...» [18. С. 114]. Он также опасался возможности строительства Россией железных дорог к Персидскому заливу. Как видно из приведенных примеров, глобальное развитие железнодорожного транспорта вызывало у Керзона очевидный интерес с точки зрения возможных приобретений или ущерба для Британии. В марте 1918 г. Керзон стал председателем Восточного комитета. С января фактически, а с октября 1919 г. официально возглавил внешнеполитическое ведомство. Страх экспансии России не оставлял его и в этот период. На посту государственного секретаря по иностранным делам, в частности, он активно поддерживал идею создания системы лимитрофных государств [20. С. 282]. Ему принадлежит авторство пресловутой «ноты Керзона» [7. С. 119].

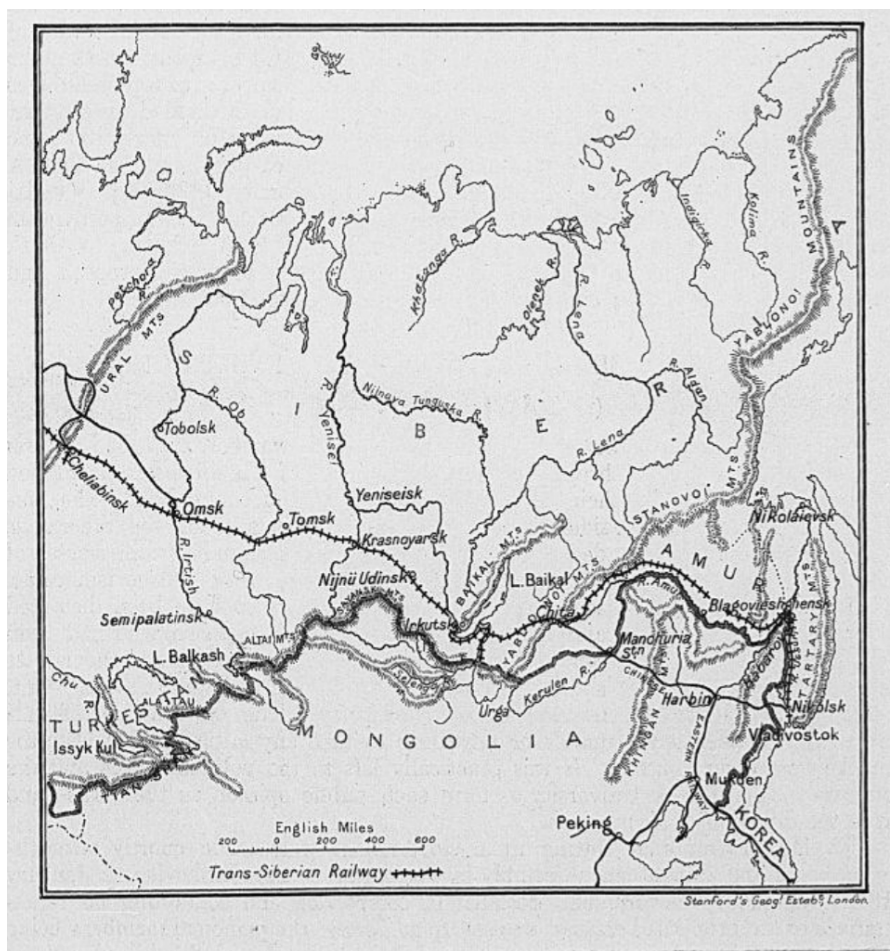

Рис. 2. Карта Сибири

Меморандум «Сибирь» был написан в период завершения союзной интервенции на фоне побед Красной Армии в Гражданской войне и приближающегося окончания Парижской мирной конференции. В этих условиях перед каждой из стран Антанты стояла задача формирования собственной публичной политики в отношении РСФСР на основе национальных приоритетов. Меморандум «Сибирь» был подготовлен по

поручению Кабинета министров и вместе с меморандумами по балтийским государствам и Закавказью является частью (заключительной) трилогии о текущей ситуации в России. По существу, документ представляет собой обзор ситуации в регионе на дату написания и сопровождается как ретроспективным, так и перспективным взглядами на нее, а в ряде случаев – анализом важных эпизодов ее развития.

Меморандум объемом 25 страниц машинописного текста состоит из четырех частей. Первая – ситуация в Сибири до большевистской революции; ситуация в Сибири после большевистской революции: политический и военный аспекты, причины провала Колчака, отношения между Колчаком и союзными державами. Вторая – чехословаки в регионе. Третья – интервенция: участие в ней американцев, японцев и британцев, Межсоюзническое железнодорожное соглашение, экономика. Четвертая – цели Японии.

Начало интервенции в меморандуме связывается с опасным положением, в котором оказался Чехословацкий корпус после того, как взял под контроль Транссибирскую железную дорогу, что и стало, по мнению Керзона, «непосредственным мотивом для межсоюзнической интервенции» [6. Р. 164]. Однако это утверждение неоднозначно. Структура и содержание документа свидетельствуют о том, что вопрос об интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири выходил далеко за пределы вопроса о помощи Чехословацкому корпусу и был намного шире и многограннее. Керзон отмечает, что в британском правительстве политику интервенции в Восточной Сибири с применением военной силы, особенно японской, начали обсуждать в декабре 1917 г. Первоначально ее причиной называлась необходимость защиты иностранцев и складов военного имущества во Владивостоке. Позже к этой аргументации добавились необходимость предотвратить захват Германией продовольствия из Сибири и Украины и, наконец, надежда на восстановление Восточного фронта против Германии, которая «...никогда не исчезала окончательно» [6. Р. 169–170].

Осуществление таких планов и надежд требовало установления и прочного удержания контроля над инфраструктурой региона. В протоколе заседания Военного кабинета министров от 6 декабря 1917 г. упомянут проект плана оккупации Владивостока и контроля над Сибирской железной дорогой, который было рекомендовано направить на рассмотрение в Имперский генеральный штаб [9. Р. 233]. На следующий день в ходе правительственного заседания начальник Имперского генерального штаба Г. Вильсон предложил: «Японцев и, возможно, американцев следует попросить направить войска во Владивосток <...> и позже при необходимости установить контроль над Транссибирской железной дорогой и сообщением с югом России» [10. Р. 236]. На заседании Кабинета 24 января 1918 г. приняты решения: сделать все возможное для открытия сообщения с юго-востоком России и Владивостоком посредством Транссибирской магистрали; призвать японцев взять ее под свой контроль от Челябинска до Владивостока; направить телеграммы в Вашингтон и Париж, подробно разъясняя причины принятия этого решения и побуждая американское и французское правительства поддержать эту политику [11. Р. 197]. В этом же ключе в меморандуме отмечается, что контроль над железнодорожными путями в Сибири был важным фактором политических и военных событий последних двух лет и «настолько жизненно необходимым для успеха интервенции союзников, что исследование ситуации было бы неполным без некоторого учета этого фактора» [6. Р. 172].

«Учету этого фактора» в меморандуме уделяется не некоторое, а повышенное внимание, особенно Межсоюзническому железнодорожному соглашению, включая острые противоречия при его заключении и исполнении между Японией, которая пыталась диктовать свои условия, считая себя главной силой, и США, которые были с этим не согласны. Хотя свою интервенцию Япония предвзяла декларированием бескорыстия, уважения территориальной целостности России, заверений в дружеских чувствах к России и ее народу, тем не менее «...эгоистическая и obstructивная позиция японцев сразу же стала очевидной» [6. Р. 175]. Первой акцией японских военных после прибытия во Владивосток и Хабаровск был незаконный захват многих дорогостоящих общественных и частных зданий без каких-либо согласований с местными властями, что, как отмечается в меморандуме, можно охарактеризовать «...как поведение народа, имеющего намерение аннексировать то, что они оккупировали» [6. Р. 175]. Тем не менее британцы были готовы согласиться, что японцы оккупируют «небольшую часть Восточной Сибири» [1. С. 49].

Американцы, однако, которые изначально были против участия Японии во вторжении на Дальний Восток и в Сибирь в любой форме [6. Р. 170], «...вовсе не желали континентального закрепления их тихоокеанского соперника. Президент Вильсон видел во всем этом откровенный дележ русского наследства» [8. С. 445]. В конце концов роль США в Сибири свелась в основном к контролю за действиями Японии. В результате «Америка и Япония расположились в шахматном порядке на территории дальневосточных линий, а все протяжение дороги от Омска до Байкала заняли чехи» [14. С. 277].

Хотя Чехословацкий корпус получал материальную помощь от Антанты, нельзя сказать, что интервенция внесла значительный вклад в успешный вывод легиона из Сибири. Транспортные корабли с последними частями Чехословацкого легиона отплыли из Владивостока только 30 ноября 1920 г., т.е. спустя более чем два года после того, как было решено «срочно» оказать им помощь [1. С. 243].

Позиция Британии также, как и позиции Японии и США, исходила не только из союзнических, но и собственных исключительных интересов. В контроле над Транссибом британцы видели, например, возможность «...перекрыть любое немецкое наступление в Туркестане, опасное для Индии» [6. Р. 170], поэтому и были согласны «компенсировать усилия Японии», которая «...вполне воспользовалась всеми промахами Америки в свою пользу; в результате она заставила смотреть на себя, как на самую значительную силу на Дальнем Востоке» [13. С. 222]. Не имея возможностей самостоятельно обеспечить контроль над инфраструктурой региона, Британия продолжала лавировать между интересами партнеров. На заседании Военного кабинета 6 сентября 1918 г. У. Черчилль подчеркивал: «...мы ни при каких обстоятельствах не должны допустить утраты союзниками контроля над Транссибирской железной дорогой» [12. Р. 100]. Его позиция вполне понятна с учетом того, какие огромные усилия были предприняты Британией, чтобы интервенция на

Дальнем Востоке и в Сибири состоялась, контроль над Транссибом, полученный чехами, был удержан, и Транссибирская магистраль прочно находилась бы под контролем (оккупацией) союзников и была бы для них постоянно доступна.

В чем же заключалась роль Британии в интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири? Сам Керзон однозначно констатирует, что Британия стала «основной политической движущей силой, приведшей к интервенции союзников в Сибирь» [6. Р. 171]. Это полностью подтверждается анализом других документов Национального архива Соединенного Королевства, из которых следует, что переговоры и переписка по организации и согласованию этой интервенции интенсивно проводились британцами с использованием возможностей Форин офиса, Имперского генерального штаба, разведки, а также Верховного военного совета Антанты одновременно по нескольким направлениям с различными странами, особенно Японией и США [21].

Однако на момент начала операции численность британских военных, задействованных на Дальнем Востоке и в Сибири, составляла всего 3,5 тыс., оставаясь в дальнейшем примерно на этом же уровне, и уступала численности военных США и Японии – 7 и 12,5 тыс. соответственно [6. Р. 171]. Именно по этой причине участие Британии в операции продолжало оставаться преимущественно политическим. В меморандуме отмечается, что значимость политического участия и роли Британии в операции были подчеркнуты назначением 21 августа 1918 г. Ч. Элиота британским Верховным комиссаром в Омске. Определенные полномочия имел и генерал А. Нокс, прибывший во Владивосток 5 сентября 1918 г. В его обязанности входило решение как политических, так и некоторых практических задач: налаживать взаимодействие между военным министерством и верховным командованием союзных экспедиционных сил; докладывать о военных операциях; оказывать помощь японскому верховному командованию; организовывать российские добровольческие силы; распределять снаряжение и припасы для российских войск, предоставленные британским правительством. В ведении Нокса находились также вопросы, связанные с военными поставками из-за рубежа для армии и унификацией союзной помощи в организации и обучении войск в тылу [6. Р. 171]. Красочное описание того, как проводилась эта работа, оставил генерал Будберг: «29 июля. Состоялось совместное заседание министров правительства и высоких союзных комиссаров по вопросу разверстки между союзниками оказываемой нам материальной помощи <...> мы сидели в очень жалком положении бедных родственников персидской категории, ожидающих решения своей участи» [17. С. 617]. На этом заседании Нокс высказался очень резко, что омскому правительству не стоит помогать, так как большая часть оказываемой материальной помощи становится достоянием красных.

Еще одним направлением деятельности британцев было открытие военных школ. Такая школа была открыта на о. Русский для подготовки русских офицеров. В ней обучалось 650 молодых офицеров и

850 унтер-офицеров [6. Р. 171]. Эта военная школа, «превосходно оборудованная технически и материально, имевшая свой клуб, отлично поставленный спорт, свои лавки, снабженные необходимыми предметами, и пр.», просуществовала почти пять лет и прекратила свое существование, не оказав никакого влияния на то дело, в интересах которого создавалась [16. С. 101]. Кроме того, обучение военных проводилось в Томске (400 офицеров) и Иркутске [6. Р. 171]. Томская военная школа также была прекрасным учебным заведением, «ничуть не уступавшим военным училищам мирного времени...» [15. С. 841].

В декабре 1918 г. британское правительство решило предоставить материальную помощь Колчаку: оборудование, одежду, основное артиллерийско-техническое имущество, а также другое оружие для использования сибирскими армиями. Однако в августе 1919 г. оно отменило это решение «отчасти ввиду критического положения Колчака, отчасти по соображениям экономии и невозможности взвалить на свои плечи все союзнические обязательства в России и решило полностью сосредоточиться на помощи Деникину» [6. Р. 172]. В правительстве Колчака такое развитие событий предчувствовали. Так, вернувшись с упоминавшегося заседания 29 июля 1919 г., Будберг заключил: «С нами все беседуют и нас шупают, а через полтора месяца зима, и у нас нет ничего суконого <...> и теперь близко к тому, чтобы очутиться в самом скверном положении» [17. С. 618]. Так и произошло. Поставки, ранее подготовленные для отгрузки в Сибирь, были перенаправлены А.И. Деникину. Однако это не означало утраты интереса к положению в регионе, и было решено, что представительство и функции британского Верховного комиссара следует сохранить без изменений [6. Р. 172].

Как следует из британских официальных документов, в том числе меморандума «Сибирь», обеспечение союзного контроля над Транссибирской железной дорогой и пути решения этой задачи были постоянно в центре внимания британского Военного кабинета министров, начиная с этапа планирования и заканчивая практическим осуществлением интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири.

Исследовав ранее неиспользованный в отечественной историографии меморандум Керзона «Сибирь» в контексте мотивов участия и роли Британии в интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917–1919 гг., можно заключить следующее. Политика интервенции, проводившаяся Британией на Дальнем Востоке и в Сибири, вписывалась как в схему решения задач противостояния Германии в военное время, как их декларировали союзники, так и схему обеспечения геополитических интересов восточной политики Британии, как их понимали британское правительство и сам Керзон. При этом важнейшим элементом этой политики была возможность контроля над глобально значимой инфраструктурой, к элементам которой относился и Транссиб.

Стремление обеспечить возможность контроля над этой дорогой стало весомым мотивом участия Британии в интервенции на востоке России. При этом роль Британии в ходе интервенции на этом направлении

носила преимущественно политический, а не непосредственно военный характер.

Меморандум «Сибирь» был подготовлен в преддверии окончания Парижской мирной конференции. Небезынтересно мнение Керзона по поводу будущей политики в отношении России: «Интервенция не имела успеха, на который надеялись; и когда страны альянса встретятся для обсуждения российской пробле-

мы, они будут находиться в растерянности: следует ли продолжить или отбросить политику интервенции» [6. Р. 164]. Как показало развитие событий, вопрос был решен победами Красной Армии и протестным движением в странах Антанты. В конечном итоге союзникам пришлось преодолеть «растерянность» (если она была), учесть эти факторы и вывести войска из России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. 1917–1920 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М. : ЗАО Центрполиграф, 2006. 252 с.
2. Грейвс У. Американская интервенция в Сибири. 1918–1920. Воспоминания командующего экспедиционным корпусом / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М. : ЗАО Центрполиграф, 2018. 287 с.
3. Terms of the Convention agreed at Paris dated 23rd December, 1917 // The National Archives (NA). CAB 24/69. Original Reference GT 6201–6300, 1918 1 Aug – 15 Nov. P. 219.
4. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М. : Ин-т рос. истории РАН; Центр гуманитар. инициатив, 2016. 368 с.
5. Ullman R.H. Anglo-soviet relations. 1917–1921: in 3 vol. Vol. 1: Intervention and the War. Princeton; New Jersey : Princeton University Press, 1961. XII, 360 p.
6. С.Р. 337. Siberia. Memo by Lord Curzon // NA. CAB 24/95. Original Reference CP 301–400, 1919 10 Oct – 1920 15 Jan. P. 164–176.
7. Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М. : Мысль, 1980. 462 с.
8. Уткин А.И. Первая мировая война. М. : Культурная революция, 2013. 560 с.
9. War Cabinet, 293. Minutes of a Meeting of the War Cabinet // NA. CAB 23/4. Original Reference WC 227–308, 1917 3 Sep – 31 Dec. P. 232–234.
10. War Cabinet, 294. Minutes of a Meeting of the War Cabinet // NA. CAB 23/4. Original Reference WC 227–308, 1917 3 Sep – 31 Dec. P. 235–237.
11. War Cabinet, 330A. Minutes of a Meeting of the War Cabinet // NA. CAB. 23/13. Original Reference WC 37A–360A, 1917 18 Jan – 1918 6 Mar. P. 192–197.
12. War Cabinet, 470. Minutes of a Meeting // NA. CAB 23/7. Original Reference WC 438–479, 1918 1 Jul – 27 Sep. P. 100–101.
13. Уорд Дж. Записки начальника английского экспедиционного отряда в Сибири 1918–1919 гг. М. : Вече, 2018. 256 с.
14. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М. : Айрис-пресс, 2013. 672 с.
15. Адмирал Колчак и его катастрофа. Воспоминания недавнего прошлого // Иностранцев М.А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А.В. Ганина; сост., вступ. ст., коммент. А.В. Ганина. М. : Кучково поле; Изд. центр «Воевода», 2017. С. 707–870.
16. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. М. : Центрполиграф, 2017. 735 с.
17. Будберг А.П. Дневник. 1917–1919. М. : Захаров, 2016. 816 с.
18. Халфин Н.А. Дж.Н. Керзон в российской Средней Азии // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 106–115.
19. Халфин Н.А. Лорд Керзон – идеолог и политик британского империализма // Новая и новейшая история. 1983. № 1. С. 120–140.
20. Виноградов К.Б., Бузыкина Н.К. Лорд Керзон. Рекорды тщеславия // Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX века : сб. ст. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2002. С. 259–291.
21. Миронюк С.А. Роль Военного Кабинета министров Британии в организации интервенции на Дальний Восток и в Сибирь: согласование условий вторжения с США, Японией и советским правительством в декабре 1917 – августе 1918 гг. (по материалам Национального архива Соединенного Королевства) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 2. С. 52–62. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29289 (дата обращения: 28.06.2019).

Статья представлена научной редакцией «История» 10 июля 2019 г.

The Control Over the Trans-Siberian Railway as a Motive for Britain’s Participation in an Allied Intervention in the Far East and Siberia in 1917–1919 and Its Role in the Operation (Based on the Memorandum “Siberia” by George Nathaniel Curzon (December 20, 1919))

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 153–159.

DOI: 10.17223/15617793/458/19

Sergei A. Mironyuk, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: privet-sergey95@mail.ru

Keywords: intervention; Siberia; Trans-Siberian Railway; Britain; Curzon; USA; Japan.

The article deals with the problem of control provision over the Trans-Siberian Railway as a motive for Britain’s participation in an Allied intervention in the Far East and Siberia and evaluates its role in this operation. The work is based on the facts and judgments contained in the memorandum “Siberia” by George Nathaniel Curzon, the Secretary of State for Foreign Affairs, dated December 20, 1919. The memorandum has not been previously described and researched in the domestic historiography. Besides the text of the memorandum, the source base includes the minutes of the meetings of the British War Cabinet, the memories of W. Graves, the commander of the American expeditionary force, and of J. Ward, the chief of the British expeditionary detachment, and some other sources of personal origin. Works by N.E. Bystrova, F.D. Volkova, R. Ullman, A.I. Utkin, N.A. Halfin and other researchers were also used. The main research methods were comparative and narrative. The comparative method made it possible to compare the memorandum with some other documents from the National Archives of the United Kingdom, as well as with the sources of personal origin important for the research topic, and confirm its analytical, resumptive nature. Since some of the documents, including the memorandum “Siberia”, have not been previously investigated and described in the domestic historiography, the narrative method was widely used in the study. First, the author examines the main issues: Curzon’s approaches to the Eastern policy of Britain; Russia’s place in the British Eastern policy; control over globally important railways as an element of Britain’s Eastern policy. Then the author reviews the provisions of the memorandum relating to the Trans-Siberian Railway and the motives for Britain’s participation in the intervention in the Far East and Siberia, as well as the data on the participation of the United States, Japan, and Britain in the operation, and, on this basis, investigates the specificity, forms of participation and role of Britain in the interven-

tion in these regions. The author concludes that, in fact, Britain became the main political driving force that led to the Allied intervention in the Far East and Siberia. The active position of Britain regarding the intervention in the Far East and Siberia was based on the tasks to oppose Germany during the war and at the same time to form and maintain Britain's long-term Eastern policy under the new conditions. The control over the Trans-Siberian Railway could be an effective instrument to overcome these challenges. A possibility to participate in the allied control over the Trans-Siberian Railway was a weighty motive for Britain to intervene in Eastern Russia. Its role in the operation was political and pragmatic.

REFERENCES

1. Fleming, P. (2006) *Sud'ba admirala Kolchaka. 1917–1920* [The fate of Admiral Kolchak. 1917–1920]. Translated from English by L.A. Igorevskiy. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
2. Graves, W. (2018) *Amerikanskaya interventsia v Sibiri. 1918–1920. Vospominaniya komanduyushchego ekspeditsionnogo korpusa* [America's Siberian Adventure: 1918–1920]. Translated from English L.A. Igorevskogo. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
3. The National Archives (NA). CAB 24/69. Original Reference GT 6201–6300, 1918 1 Aug – 15 Nov. P. 219. *Terms of the Convention agreed at Paris dated 23rd December, 1917.*
4. Bystrova, N.E. (2016) *“Russkiy vopros” v 1917 – nachale 1920 g.: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy* [“Russian question” in 1917 – Early 1920: Soviet Russia and the Great Powers]. Moscow: Institute of Russian History, RAS; Tsentr gumanit. initsiativ.
5. Ullman, R.H. (1961) *Anglo-soviet relations. 1917–1921: in 3 vol.* Vol. 1. Princeton; New Jersey: Princeton University Press.
6. NA. CAB 24/95. Original Reference CP 301–400, 1919 10 Oct – 1920 15 Jan. P. 164–176. C.P. 337. *Siberia. Memo by Lord Curzon.*
7. Volkov, F.D. (1980) *Tayny Uaytkholla i Dauning-strit* [Secrets of Whitehall and Downing Street]. Moscow: Mysl'.
8. Utkin, A.I. (2013) *Pervaya mirovaya voyna* [World War I]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
9. NA. CAB 23/4. Original Reference WC 227–308, 1917 3 Sep – 31 Dec. P. 232–234. *War Cabinet, 293. Minutes of a Meeting of the War Cabinet.*
10. NA. CAB 23/4. Original Reference WC 227–308, 1917 3 Sep – 31 Dec. P. 235–237. *War Cabinet, 294. Minutes of a Meeting of the War Cabinet.*
11. NA. CAB. 23/13. Original Reference WC 37A–360A, 1917 18 Jan – 1918 6 Mar. P. 192–197. *War Cabinet, 330A. Minutes of a Meeting of the War Cabinet.*
12. NA. CAB 23/7. Original Reference WC 438–479, 1918 1 Jul – 27 Sep. P. 100–101. *War Cabinet, 470. Minutes of a Meeting.*
13. Ward, J. (2018) *Zapiski nachal'nika angliyskogo ekspeditsionnogo otryada v Sibiri 1918–1919 gg.* [Notes of the Chief of the British Expeditionary Force in Siberia 1918–1919]. Moscow: Veche.
14. Gins, G.K. (2013) *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918–1920* [Siberia, Allies and Kolchak. A turning point in Russian history. 1918–1920]. Moscow: Ayriss-press.
15. Inostrantsev, M.A. (2017) *Admiral Kolchak i ego katastrofa. Vospominaniya nedavnego proshlogo* [Admiral Kolchak and his disaster. Memories of the recent past]. In: Ganin, A.V. (ed.) *Vospominaniya. Konets imperii, revolyutsiya i nachalo bol'shevizma* [Memories. The End of the Empire, Revolution and the Beginning of Bolshevism]. Moscow: Kuchkovo pole; Izd. tsentr “Voevoda”. pp. 707–870.
16. Boldyrev, V.G. (2017) *Direktoriya. Kolchak. Interventy* [Directory. Kolchak. Interventions]. Moscow: Tsentrpoligraf.
17. Budberg, A.P. (2016) *Dnevnik. 1917–1919* [A Diary. 1917–1919]. Moscow: Zakharov.
18. Khalfin, N.A. (1988) *Dzh.N. Kerzon v rossiyskoy Sredney Azii* [G.N. Curzon in Russian Central Asia]. *Voprosy istorii*. 3. pp. 106–115.
19. Khalfin, N.A. (1983) *Lord Kerzon – ideolog i politik britanskogo imperializma* [Lord Curzon, the ideologist and politician of British imperialism]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1. pp. 120–140.
20. Vinogradov, K.B. & Buzykina, N.K. (2002) *Lord Kerzon. Rekordy tshcheslaviiya* [Lord Curzon. Vanity records]. In: Vinogradov, K.B. (ed.) *Monarkhi, ministry, diplomaty XIX – nachala XX veka* [Monarchs, Ministers, Diplomats of the 19th – Early 20th Centuries]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 259–291.
21. Mironyuk, S.A. (2019) *Rol' Voennogo Kabineta ministrov Britanii v organizatsii interventsii na Dal'niy Vostok i v Sibiri: soglasovanie usloviy vtorzheniya s SSHA, Yaponiei i sovetским pravitel'stvom v dekabre 1917 – avguste 1918 gg. (po materialam Natsional'nogo arkhiva Soedinennogo Korolevstva)* [The role of the British Cabinet of War in organizing the intervention in the Far East and Siberia: negotiating the terms of the invasion with the United States, Japan and the Soviet government in December 1917 – August 1918. (Based on materials from the National Archives of the United Kingdom)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2. pp. 52–62. [Online] Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29289. (Accessed: 28.06.2019). DOI: 10.25136/2409-868X.2019.2.29289

Received: 10 July 2019